

Замечательную актрису МХАТа, народную артистку СССР Анастасию Платоновну ЗУЕВУ по праву считают однопольчанином многие солдаты и офицеры Великой Отечественной войны. О своем боевом прошлом, о высоком общении с людьми фронта рассказывает сегодня этот выдающийся мастер сцены.

Анастасия ЗУЕВА, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР

УЛЫБКА СОЛДАТА

ВСЯКИЙ РАЗ, когда мы приезжали в какую-либо фронтовую часть, нас встречали улыбающиеся люди. Я помню только счастливые лица и, как ни пытаюсь вспомнить хотя бы одного человека, хмурого, замкнувшегося в себе настолько, что не достать его уже никаким искусством, — не получается. Бойцы улыбались, они по-детски радовались уже самому факту нашего приезда. Родовались кусочку мирной жизни, емкому русскому слову, произнесенному со сцены, наивной и открытой человеческой любви, которую мы с моим неизменным партнером, чудесным артистом Николаем Ивановичем Дорохиным, пожалуй, не «играли» — каждый раз переживали заново, как впервые, в сцене из «Женитьбы Бальзамина».

Многие из тех улыбок были погашены войной... Но, может быть, кто-то из наших зрителей улыбнулся даже перед смертью, вспомнив лесную карельскую поляну, или старый сарай, или импровизированную сцену на двух сдвинутых вместе грузовиках, и тот короткий, но добрый миг радости, который дала встреча с искусством.

Я вспоминаю сейчас, на расстоянии двадцати пяти лет, счастливые лица солдат войны не потому, что они вызывают во мне только теплое лирическое чувство. Здесь — больше. Здесь — ответ на главный вопрос, на вечный спор формализма с искусством сердечным, открытым, требующим от артиста искренности, отдачи, большой творческой воли и гражданской страсти, — реалистическим искусством. Мы, актеры Художественного театра, воспитаны в нем и навсегда сохраняем ему верность. Годы Великой Отечественной войны укрепили нас в сознании нашей художнической правоты: реализм помог нам настраивать людей в момент испытания жизнью и смертью на преодоление трудностей, на моральную победу над врагом, за которой приходила и победа оружием.

Фронт — это особое самочувствие. Мне трудно передать его словами: я не писатель — актриса. Но постараюсь для тех, кто никогда не знал, что такое фронт и что такое концерт на фронте, по возможности восстановить атмосферу, чувство, которое объединяло нас в те годы с нашими зрителями — советскими воинами.

Представьте себе суровую природу Кольского полуострова. Лес. Разрушенную избу. Разрушенную так сильно, что от дома осталась лишь рама, контур. И холодно. И небо тяжелое, с низкими бурями тучами. А я — в легком розовом платье с открытыми руками, и мой партнер — в летнем костюмчике революционного покроя. И мы не чувствуем холода. Мы влюблены — такой чуткий, подробный творческий контакт установился у нас с Николаем Ивановичем Дорохиным. Мы влюблены, и это переходит по рядам наших молодых зрителей. Они сидят близко, совсем рядом. Мы чувствуем их дыхание, слышим, видим, что живут они с нами в одном ритме. И нет ни холода, ни разрушенной избышки, ни гнетущего прифронтового неба. Есть извечное чудо театра: все — и актеры, и зрители — переселились в мир воображения, который на какое-то время стал для всех реальным...

Может быть, даже наверное, я никогда не испытывала, ни раньше, ни сейчас, такого активного желания повторить спектакль еще и еще раз в течение дня, через каждый час, с неизменным удовлетворением.

Часто бывало, что мы шли из расположения одной части в другую пешком и сами несли свой театральный реквизит. Но встречали нас с такой же радостью, как повсюду, и вновь — ни усталости, ни неудобств, вновь мы играли с волнением премьеры.

Помню, так мы шли и несли реквизит из Полярного в Рыбачий, что на Кольском полуострове. У актера есть такая счастливая участь — наблюдать, фиксировать все, что его окружает. И я увидела по дороге великое лесное богатство: огромное количество грибов, костяники, других ягод. Удивительный урожай на грибы был в тот военный год. И я подумала: природа упрямо сопротивляется войне, вот устроила парад своим мирным силам. А в нескольких шагах от этого буйства природы, от ее естественной, благосклонной к человеку красоты погибали люди...

В Рыбачьем нас поместили в самой большой землянке. И нам показало, что это комфортабельная гостиница — так нас приняли хозяева. А по стенам теплая вода, было сыро. Никто не обращал на все это внимания. Было по-человечески тепло.

Ничего другого мы не хотели замечать. Больше того, оказалось, что для нас для нашего концерта, бойцы за одну ночь выстроили большой деревянный сарай и устроили в нем хорошую сцену. В сарае тоже было сыро. Но наш верный соратник по фронтовым концертным бригадам, замечательная певица Надежда Апполинарьевна Казанцева пела в этом импровизированном лесном театре так же прекрасно, как в уютной радиостудии или на сцене Колонного зала Дома союзов. И так же щедро и много.

Да, фронт — это особое самочувствие. На Карельском фронте с нами произошла история, которую я тогда восприняла как курьез. А сейчас вспоминаю и удивляюсь себе и своим товарищам: у этой истории мог быть в высшей степени печальный конец, а мы смеялись!

Было дело так. Нас везли в развалнях на концерт в сопровождении двух бойцов с автоматами: прифронтовой лес таит всякие неожиданности. Внезапно возница придержал лошадь: «Тпр-ру... А ведь мы к немцам заехали!»... На наше счастье, нас не заметили, и мы благополучно выпутались из этого опасного положения. Но страха не было — вот в чем главное. Теперь понимаю: брала верх одержимость, целеустремленное желание любой ценой доставить радость бойцам. И это желание было больше, чем чувство страха...

Работа на фронте заставляла быть человеком крупнее, масштабнее. У нас в Художественном театре рассказывают классический эпизод о том, как к одному из наших руководителей пришел актер, хороший актер, и пожаловался, что стал хуже играть в шекспировском спектакле. Его спросили: «А в личной жизни все благополучно?» Он говорит: «Более чем благополучно. Получил новую квартиру». — «Ах, вон что! Наверно, с мебелью теперь забот много?» — «С мебелью очень трудно. Достать с большим трудом то, что нужно. Приходится бегать, искать, привозить...» — «Так что же вы хотите! Суетитесь вокруг мебели, занимаетесь день-деньской бытом и хорошо играть в шекспировском спектакле? Так не бывает...»

В связи с этим мне хочется рассказать эпизод из моей фронтовой жизни. Нас поселили в маленьком сельском клубе. В комнате стояла печка-временка, раскаленная докрасна. А до прихода в этот клуб мы основательно промокли под проливным дождем, и я повесила над плитой свое меховое пальто. Повесила и забыла о нем. Пальто высохло, потом съезжилось, и, когда к нему притронулись, каракуль стал осыпаться, как песок. Погибла хорошая и, главное, нужная вещь. Наверно, сегодня бы я пожалела о такой потере. Но в то время отнеслась к этому с юмором — не было морального права на оплакивание пальто в обстановке, когда люди жертвуют жизнью. Меня нарядили в дубленый полушубок военного образца, и я с великой гордостью развешивала в нем по фронту...

Я начала свой рассказ с самого драгоценного для меня впечатления — о приветливых и счастливых улыбках фронтовиков в дни наших приездов к ним. А ведь это и был тот самый зритель-творец, о котором мы так печемся в театре. Зритель, заранее приготовивший себя к общению с искусством, к восприятию образа, эмоциональной мысли. Умножьте нашу зрительскую аудиторию на 3 800 — столько, по официальным данным, работало на фронте Великой Отечественной войны фронтовых бригад — и попытайтесь возвести эту цифру в какую-то очень высокую степень, потому что бригады давали в день нередко и пять, и даже десять концертов. Кроме того, на фронтах работали специально созданные во время войны постоянные фронтовые театры. К началу 1944 года их было уже 25. Одним из самых боевых театров, работавших для фронта, стал молодежно-комсомольский, созданный режиссером МХАТа, ныне народным артистом СССР Иосифом Моисеевичем Раевским из числа выпускников Государственного института театрального искусства.

Вахтанговская актриса и режиссер Анна Алексеевна Орочко возглавляла фронтовую филиал своего театра. Для фронта ставили спектакли и Малый, и Ленинградский Большой драматический имени М. Горького, и Ленинградский имени Пушкина, и Ярославский, и костромской театры...

Наш старший друг, великий актер Василий Иванович Качалов, с большим гражданским пафосом писал в 1942 году:

«Сотни художественных бригад выезжают на передовые позиции, и, как только затихает шум боя, подле самого поля сражения раздается голос актера. Может ли быть большая радость для каждого из нас, как принести хотя бы несколько минут отдыха бойцам. Сколько искренней теплоты в этих фронтовых встречах! Какой это великий стимул для новых творческих усилий!»

Слово в слово, мысль в мысль Василий Иванович высказал «внутренний монолог» тех советских актеров, которые считали своим долгом — не только делом разума, но и делом сердца — выступать на передовых позициях наших фронтов. Мне в годы войны не сиделось ни в Москве, ни в Саратове, ни в Свердловске, куда был эвакуирован Художественный театр. Я выезжала на фронт 15 раз. Последние

выступления были особенно праздничными — над ними веял дух Победы. Это было в Венгрии, в гостях у крупного советского полководца и гостеприимного хозяина — Маршала Советского Союза Толбухина.

Мне порой говорили: «Поберегите себя. Вы работаете, как лошадь». Я отвечала: «Неподходящее сравнение. Я — русская женщина, актриса. И по-другому не могу. Эти люди, ежедневно идущие на смерть ради меня и вас, имеют право требовать от нас все, чем мы располагаем. А они не требуют. Они благодарят».

Мы с Николаем Ивановичем Дорохиным часто говорили: «Театр будет всегда, а фронт когда-нибудь перестанет существовать. Когда не будет войны, мы станем открыто смотреть в глаза людям — ведь мы выполняли свою миссию честно и с любовью».

С благодарностью и с каким-то особым чувством соработничества и солидарности думаю в эти минуты о тех, что стали моими близкими друзьями на фронте. Об Алле Константиновне Тарасовой, Сергее Напитуновиче Блинные, Владимире Львовиче Ер-

А. П. ЗУЕВА и Н. И. ДОРОХИН. Выступление на фронте.

шове — дорогих моих мхатовцах. О замечательном мастере художественного слова Владимире Николаевиче Яхонтове. О чудесной певице, солистке Большого театра Татьяне Талахадзе...

Чувство фронта сохранилось во мне и по сей день. Полтора года назад мы с товарищами, артистами МХАТа, гастролировали в Японии. Возвращаясь на Родину, побывали в гостях у моряков Тихоокеанского флота. Склоняясь даже при своем маленьком росте в отсеках подводной лодки, я чувствовала себя среди подводников, людей самой трудной морской профессии, совсем так же, как в сырой землянке на болотах фронтового Кольского полуострова. И они интуитивно почувствовали во мне боевого товарища.

После посещения подводной лодки я не могла успокоиться до тех пор, пока не организовала мхатовский концерт для моряков. И снова, как двадцать пять лет назад, нас встречали молодые улыбки. Такие же прекрасные, открытые лица. Такая же готовность к восприятию искусства всем сердцем. И только об одном думалось мне в тот день: пусть ничто не сможет погасить эти улыбки, не прервет их молодости, как прервала молодость поколения их отцов кровавая война, которую мы видели близко, с двух шагов.

...В повести «Дом на площади» замечательный писатель Эммануил Казакевич с болью и горечью размышлял о странной, животной, кошачьей какой-то забывчивости обывателей в основном на Западе: не прошло и года с момента окончания войны, как книжные рынки Америки и Европы наводнили мемуары родственников Гитлера, Геринга, Гимmlера... Кошачья память — это позор для человека, в жизни которого все взаимосвязано и все подлежит ответственности перед многими людьми — перед обществом.

День Победы стал праздником, который помнят и почитают народы всего мира. Но есть и такие люди, что вздрагивают от безенства по утрам 9 мая. И усаживаются вновь изучать опыт гитлеровской армии. Наивное это занятие. Ну скажите, как им учесть победную силу советского искусства, как разгадать, что и наше творчество помогало военному успеху Советской Армии!

Для меня вечно живы, всегда со мной наши великие учителя К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко. Они воспитывали не просто актеров, но художников, и не просто художников, а граждан и патриотов своей страны. Они учили нас глубоко и осознанно любить Россию: ее обычаи, ее язык, ее трудолюбие и сердечность. Это чувство мы несли на сцену Художественного театра и на площадки фронтовых концертов. Это чувство говорит мне, что нельзя проходить мимо или пассивно отмахиваться, когда видишь легкомысленные упражнения «под европейскую моду», «под международный эталон» актерской игры и режиссуры». Не может быть для истинного художника и патриота такой моды и такого эталона.

Мера нашего искусства — светлые и мужественные советские люди, которые способны осветить улыбкой мир даже на поле боя, в последнюю минуту своей жизни...